

Французские попутчики большевизма и проблема обновления социалистической идеологии

Статья посвящена анализу взглядов французских попутчиков большевизма об идеологии социализма в ее большевистском варианте. Автор обосновывает конкретно-исторический, социально-политический и интеллектуальный феномен - «попутничество», возникший на волне Русской революции 1917 г. и просуществовавший в течение первого десятилетия строительства Советской власти. Рассматривая взгляды французских попутчиков большевизма, подчеркивается влияние сталинского тоталитаризма на дискредитацию идеологии социализма не только в СССР, но и в Европе. На основе взглядов левых европейских интеллектуалов («попутчиков») анализируются причины перерождения большевизма в сталинизм. Автор показал, что французские попутчики большевизма попытались обосновать необходимость пересмотра социалист. идей с левых антитоталитарных, гуманистических позиций. Особое внимание уделяется сущности сталинского режима в работах французских попутчиков.

The article is devoted to the analysis of sights of the French fellow travellers of the Bolshevism about ideology of socialism in it bolshevists variant. The author proves a concrete historical, sociopolitical and intellectual phenomenon - "poputnichestvo", arisen on a wave of Russian revolution 1917 and existed during the first decade of construction of the Soviet authority. Considering sights of the French fellow travellers of the Bolshevism, influence of Stalin totalitarianism on discredit of ideology of socialism not only in the USSR, but also in the Europe is emphasized. On the basis of sights of the left European intellectuals ("fellow-travellers") the reasons of regeneration of the Bolshevism in stalinizm are analyzed. The author has shown, that the French fellow travellers of the Bolshevism have tried to prove necessity of revision a socialist. Ideas from the left antitotalitarian, humanistic positions. The special attention is given essence of a Stalin mode in works of the French fellow-travellers.

Французские попутчики большевизма и проблема обновления социалистической идеологии

Проблема Октябрьской революции и утверждения социалистической идеологии в СССР является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в истории XX в. Историки, политики и общественные деятели по-разному относились и продолжают относиться к событиям 1917 г. в России. Крах советской системы заставил многих пересмотреть свои представления о социализме. Современная российская академическая наука, констатируя крах

индустриального социализма, до сих пор только прогнозирует постиндустриальный социализм, который утратит авторитарные черты, станет либеральным, ориентированным на длительное сотрудничество с рыночным обществом и либеральным государством [1, с. 32]. Между тем, французские попутчики большевизма уже в 20-30-е гг. попытались обосновать либертарно-демократическую социалистическую альтернативу капитализму и коммунизму.

Идеи французских попутчиков большевизма, родившиеся в первой трети XX столетия, затрагивают проблемы, которые по-прежнему актуальны для нашего мира в начале XXI века. Обращение к этим революционным, но вместе с тем совершенно самостоятельным идеям способно внести вклад в реконструкцию и осмысление прошлого как основы для принципиально иного будущего.

Следует отметить, что в советской историографии проблема обновления социализма практически не затрагивалась, лишь в некоторых работах указывались проблемы социалистической идеологии и практики [2; 3; 4; 5]. В постсоветский период отечественная историография уже отмечена некоторым количеством трудов, посвященных пересмотру социалистической идеологии [1; 6; 7]. Тем не менее актуальность данной проблемы не вызывает сомнения. Исследование проблемы обновления социалистической идеологии на примере французских попутчиков большевизма является темой настоящей работы. Что же касается источниковой базы статьи, то она основана на публикациях ведущих французских попутчиков: П. Паскаль «Русский дневник», «Новая религия», В. Серж «От революции к тоталитаризму», «Тридцать лет после русской революции», «Плановая экономика и демократия», Б.Суварин «Сталин», «Кошмар в СССР», «Куда идет Русская революция».

С конца XIX в. локальные события в мире стали приобретать глобальный характер, и история становится поистине всеобщей. Началось всестороннее сближение и интеграция стран мира в информационной, культурной, технологической, экономической и политической сферах. Глобализация проявилась, прежде всего, в политической сфере. Вслед за мировой экономикой последовало формирование мировой политики и становление новой системы международных отношений.

Уже в конце XIX в. философы и социологи уловили потенциал опасности и риска в тенденциях современного им общества, что выразилось в пессимистических философских системах Шопенгауэра, Ницше, а позже Шпенглера. В значительной мере этот исторический пессимизм оказался тем климатом, той духовной атмосферой, в которой развивалась далее культура Запада. В это же время сформировалось особое умственное состояние, распространившееся далеко за первое десятилетие XX века, выраженное в ментальности «конца века» (по фр. «fin-de-siècle»)[8, с. 177], пик которого пришелся на период первой мировой войны. Настроения конца века выражали собой, прежде всего, настроения массы индивидов, которые не смогли реализовать себя в новых системах ценностей рационализма, для

которых научно-техническое преобразование жизни несло угрозу их спокойствию, свободе, а для многих и благополучию.

Еще в конце XIX века Ф.Ницше призывал к бегству в царство свободы интеллекта, почувствовав, что наступающий век несет с собою нечто новое и ужасное, что старая эпоха отмирает, а в ее предсмертных конвульсиях рождаются тоталитарные режимы XX века: «Грядет время, когда будут вести борьбу за господство над землей – ее будут вести во имя фундаментальных философских учений» [9, с. 151]. Но в атмосфере бравурного грохота национализма и растущего милитаризма его голос, как и голоса пацифистов в начале XX в., не был услышан.

Чувство кризиса, чувство обреченности западной цивилизации, особенно острым становилось в периоды сильнейших потрясений, нестабильности и угрозы общей политической ситуации. В интеллектуальной атмосфере уже довоенной Европы появляется мотив, который четко сформулировал историк, социалист Шарль Пеги, погибший в 1914 году на Марне: «Социальная революция будет революцией нравственной, или ее не будет» [10, с. 55]. Глубокую интеллектуальную трансформацию, которая началась с конца XIX века, но до 1914 года сдерживалась мощной консервативной инерцией, ускорила Первая мировая война.

Один из французских попутчиков большевизма В. Серж в своих воспоминаниях дает точную характеристику перехода от одного века к другому: «Люди моего поколения – родившиеся около 1890 года – не могут избавиться от чувства, что живут на разломе, где кончается один мир и начинается другой. Поворот от века к веку был головокружительным» [11, с. 464].

Для России, как страны второго эшелона мирового капитализма, было характерно запоздалое, по сравнению с Западной Европой, вступление на путь капитализма, и его медленное развитие. Однако в России, на рубеже веков, стали очевидны признаки вступления страны в стадию модернизации, накопленные в результате предшествующих десятилетий. Изменения были налицо, как в экономике, так и в духовной жизни общества, прочно входили в сознание людей, вызывая к жизни новые потребности и интересы, которые сталкивались в повседневной практике с прежними устоями и нормами жизни. «Что-то в России ломалось, - писала об этих переходных годах Зинаида Гиппиус, - что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия. О, не всеми. Но очень многими и в очень многом» [12, с. 208].

Россия уже в первые годы XX в. выделялась среди всех остальных стран по масштабам рабочего движения, темпам роста политической сознательности рабочих и их организованности.

Революции 1917 года – Февральская и Октябрьская – резко изменили всю картину тогдашнего мира и произвели новые повороты в отношениях между Россией и другими державами, от союзнических, в Первую мировую войну, до враждебных после победы большевиков и провозглашения

ленинского Декрета о мире. Провозглашенные Октябрьской революцией идеи социальной справедливости, социального равенства, прочной социальной защищенности всех членов общества стали лозунгом широких народных масс во всех странах в первые послевоенные годы.

Второе десятилетие XX в. ознаменовало конец целой эпохи русской истории. Страна была брошена в политический водоворот, быстро охвативший все население, разрушив учреждения, традиции и обычаи, которые еще в конце XIX в. казались незыблемыми.

Октябрь 1917 г. во многом предопределил пафос интеллектуального климата западной левой среды. В Советской России была предпринята попытка строительства новой цивилизации, которая, в условиях обострения кризисных явлений в Европе, привлекала восхищенные взоры масс и, в какой-то мере, выглядела как возможная и желанная альтернатива. Для многих европейских интеллектуалов русская революция представлялась «великим светом на Востоке», открывающим новые пути человечеству и возвращающим надежду на лучшее будущее [13, р.89]. Английский социолог и публицист Д. Кот отмечает, что «...не только будущие коммунисты, но и идеалисты, и те, кто долгое время колебался, присоединиться ли к Коммунистической партии...с радостью приветствовали новость о русской революции» [14, р. 80].

По мнению французского писателя Андре Мальро, в западном мире властвует мечта, западный человек принимает за истину некую условную реальность, все измеряет размерами своего дела и честолюбивой мечтательностью. Он подчеркивает, что над Европой довлеет идея невозможности овладеть какой-либо реальностью: «Великолепная и, может быть, гибельная вера Западной цивилизации состоит в том, что любое искушение она разрешает в познании» [15, с. 37], то есть умозрительно. Именно стремлением овладеть реальностью русский большевизм в свой романтический период привлекал социально активных левых Запада.

В целом первую половину XX в. можно определить как период затянувшегося смутного времени, затронувшего все стороны и аспекты человеческого бытия. Технологические и научные достижения нач. XX в. подготовили новое понимание реальности, которое постепенно проникло во все сферы интеллектуальной и культурной жизни Запада. Именно в такие времена бедствий и переломов создается благоприятная почва для появления разного рода мечтаний, утопий, проектов о совершенном устройстве мира. Поэтому неудивительно, что начало XX в. так богато проектами, идеями, учениями, предлагавшимися в качестве руководства к поиску путей, по которому Запад может и должен идти.

Многие европейские интеллектуалы пришли к большевизму, захваченные волной солидарности и симпатии, которая вызвала Октябрьская революция. Принципы марксизма были еще мало или плохо известны, но они казались привлекательны. Целое поколение западных интеллектуалов через нравственные искания пришли к интриге с большевизмом («моральный

большевик» П.Паскаль; «этическая революционность» анархистов – Серж и Лазаревич, интернационализм и пацифизм А. Гильбо и Б. Суварина).

Большевизм, образца 1917 года, обладал притягательной силой мирового масштаба, и эта притягательность особенно выделяется на фоне общего кризиса идеологических систем, владевших умами в предшествующий период. «Коммунизм, - по образному выражению французского историка Ф.Фюре, - это такой дом, куда из поколения в поколение в течение века, в зависимости от обстоятельств, одни входили, другие же выходили» [16, с.127]. Притягательность большевизма, его романтической поры, реализовалась в весьма неоднозначном и до сих пор недостаточно исследованном феномене «попутничества».

Попутничество – это конкретно-исторический, социально-политический и интеллектуальный феномен, возникший на волне Русской революции 1917 года и просуществовавший в течение первого десятилетия строительства Советской власти. Суть попутничества во временном, несто процентном приятии большевизма, независимо от формальной принадлежности к коммунистической партии и Коминтерну. Часть попутчиков никогда не имела партбилета, другая познала большевизм изнутри в течение определенного периода – от нескольких недель до нескольких лет.

Французские попутчики большевизма явились свидетелями той ожесточенной, внутрипартийной борьбы 20-х гг., ход и итоги которой привели к трагическим последствиям для большевиков и установлению диктаторского режима, опорочившего в глазах миллионов людей во всем мире идею социализма. Уже в 20-30-е годы они сумели ответить на многие ключевые вопросы русской общественной жизни: о сталинизме, как составной части большевизма, о природе советского строя и перспективах социализма. Среди попутчиков наиболее заметными фигурами являются П. Паскаль, В. Серж, Б. Суварин.

Пьер Паскаль (1890-1983) – член военной миссии в России в 1916-1918 гг., в 1918 году, обратившийся в коммунизм, «как идут в монастырь», и потому удостоенный соотечественниками ироничного титула «христианского большевика». «В лоне коммунизма в том смысле, в каком бывают в лоне церкви» [17, р. 7] он пребывал с конца 1918 по март 1921 года, но уйдя в науку, он еще до 1933 г. оставался попутчиком большевизма. В русской революции Паскаля привлекли равенство в бедности, утопический социализм, христианский дух общности и социальный порядок, декларируемые большевиками, а также антивоенная политика большевиков. Он видел большевиков «единственно способными и единственно решившимися на социальную революцию». [18, р. 163] Тем не менее, он изначально принимал большевизм с определенными оговорками: «Я разделяю социалистическое учение, оно прекрасно и истинно до тех пор, пока не отрицает христианства» [18, р. 322].

Виктор Серж (1890-1947), настоящая фамилия Кибальчич, - скорее русский интеллигент, чем европейский интеллектуал, творчество которого, посвященное советской России и судьбам русской революции, позволяет

проследить путь от принятия большевизма до разочарования в нем. Не будучи в отличие от Паскаля непосредственным свидетелем революции 1917 г. (Серж приехал в Россию в 1919 г.) он увидел в Октябре 1917 г. воплощение своих идеалов, согласующихся с общечеловеческими ценностями, которые не были реализованы западноевропейской демократией в начале XX в. Демократизм с его принципами свободы, равенства и народовластия, сопутствующий ему гуманизм, а также интернациональная и коммунитарная идеи привлекли его на сторону русской революции. Однако, приняв большевизм, Серж сформулировал свою позицию следующим образом: «...Я не против большевиков и не нейтрален по отношению к ним, я буду с ними, но сохраню свою свободу, не отрекусь от способности мыслить критически» [11, с. 95].

Борис Суварин (1895-1984) настоящая фамилия Лифшиц – французский журналист, член комитета защиты Социалистического Интернационала, затем член Комитета за принятие условий Коммунистического Интернационала, секретарь III Интернационала. Он был одним из организаторов коммунистической партии Франции, фактически исключенный из нее и из Коминтерна в 1924 г. В Октябре 1917 года Суварин увидел воплощение социалистических и пацифистских ценностей. Он поверил в то, что большевизм навсегда покончит с войнами и принесет братство народам. Власть Ленина в 1918 году он воспринимал, как власть «демократическую», «власть пролетариата». «Придя к убеждению, что диктатура большевиков это и есть власть рабочего класса, он стал в 1918 году одним из первых французских большевиков и активно способствовал переходу большинства социалистической партии на ленинские позиции» [16, с. 135].

Попутчики постоянно спрашивали себя, когда и с чего началась деградация большевизма. По мнению В. Сержа, именно с нетерпимости большевиков к политическим соперникам в первые годы советской власти. Он не мог оправдать образование чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, шпионажем и саботажем. Создание ЧК, по утверждению В. Сержа, – это одна из «тяжелейших ошибок, совершенных большевистскими лидерами в 1918 году, когда происки врагов, блокада и иностранная интервенция заставили их потерять голову» [11, с. 100]. В. Серж сравнивает ЧК с Комитетом общественного спасения, а Троцкого - с Карно и отмечает, что «революционные трибуналы были менее эффективными, чем Чрезвычайная комиссия русской революции» [19, р. 377]. Такой же точки зрения придерживался и Суварин: «с окончанием военных действий военный контроль утратил свое значение... но осталась разветвленная сеть ЧК, которая совершенствовала себя упрощением оперативных методов своей деятельности» [20, р. 251].

Суварин пытается найти исторические корни тоталитаризма в прошлом России. Он пытается идентифицировать сталинский режим конца 1920-30-х гг. и найти предпосылки этого режима «кнуто-социализма», как он его

называет, в русской истории, в традиции власти, «идущей от Ивана Грозного, с его опричниной, и Петра Первого с его репрессиями в отношении боярства и насильственной цивилизации русского народа с помощью кнута» [20, р. 417]. По его мнению, беды России от того, что она все время пытается догнать Запад. Суварин прослеживает особый путь капитализма в России – этатизм. Поскольку в России капитализм не имел возможность вырваться эндогенно, его внедряют сверху, он развивается под патронажем государства, поэтому и крепостничество сохраняется в России намного дольше, чем в Европе. После революции в России появились еще большие возможности огосударствления собственности, что, по сути, являлось продолжением политики этатизма царской России. Процесс ускоренной индустриализации, почти аналогичный процессу капитализации Петра Первого, вплоть до того, что установлением внутренних паспортов население страны практически закрепощается [20, р. 464-467].

Содержание некогда привлекавших ценностей на практике оказалось диаметрально противоположным: равенство людей свелось к концепции уравнительной справедливости, индивидуально-личное начало стало лишь частью системно-целого, а марксизм оказался облеченным в форму религии человекобожия. Не стоим ли мы на пути преобразования в марксизма в религию? – задается вопросом Паскаль; Ленин виделся героем, а «теперь их фабрикуют искусственно». Разве можно действительно надеяться достигнуть коммунизма, приручая народ к «религии вождей»? [21, р. 216]. Власть революции оказалась направлена не на самозащиту, а на господство: «Время благоприятствует расторопным и проворным, царит лицемерие, оппозиция неотличима от большинства», - делает вывод Паскаль. [22, р. 34].

Однако, сомнения закрались в душу Паскаля задолго до принятия новой экономической политики. Их истоки восходят к той противоречивой роли, которую играют во всяком политическом движении теория и практика. «Русское влияние опасно: ибо в России идеи остаются достаточно туманными, они не переводятся строго в практику, они ограничены глубоким скептицизмом, те же самые идеи у нас (во Франции), если они соблазняют – а они соблазнительны – немедленно преображаются в рациональные формулы, которые можно воплотить в виде законов», [18, р. 156] - справедливо отмечал П. Паскаль.

Для того, чтобы построить действительно справедливое государство необходимо восстановить условия, которые большевики выдвигали в 1917 году. Советские руководители «говорят о плане, индустриализации, но не знают, как их реализовать. Они не видят, что предварительное условие любого экономического прогресса, это политический режим, который предстает приемлемым и что в современных условиях никакое развитие производительных сил, никакое улучшение будущего большинства работяг не представляется *без рабочей демократии*, без восстановления права критики и инициативы, без индивидуальной ответственности, без прав для рабочего класса, электората и отзыва своих представителей, делегатов или функционеров», - справедливо отмечал Суварин [23, р. 13]. Для того, чтобы

люди жили хорошо, в благоприятных условиях необходима «диктатура пролетариата, а не диктатура секретариата, восстановление власти закона и уничтожение произвола; рабочая демократия, а не паразитическая бюрократия: только в этом единственное спасение» [23, р. 13].

Серж приходит к выводу, что догматизированная теория не может привести к созданию подлинно социалистического государства. «В русской революции я сразу распознал глубинные зародыши скверны, такие, как нетерпимость и склонность преследовать инакомыслящих. Они проистекали от чувства обладания абсолютной истиной в сочетании с теоретической негибкостью», [11, с. 459] - писал В.Серж. Для него ленинизм явился предтечей сталинскому тоталитаризму.

Характеризуя сталинский режим, он писал: «В течение почти трех лет, с 1930 по 1934 год, новый тоталитарный режим держался исключительно на терроре» [11, с. 305]. Ложь стала образом жизни, необходимой частью системы, вызванной чистками. Суварин справедливо отмечал, что «СССР – страна лжи, абсолютной лжи, лжи цельной... Ложь – природный элемент псевдо-социалистического общества. Сталина по основному закону не существует – это ложь. ГПУ по юридическому определению больше нет – ложь... Партия есть элита народа – ложь. Права народа, демократия, свободы – ложь... Единственная реальность – террор, разлагающий дух и отравляющий сознание» [20, р. 239].

По мнению Б. Суварина, СССР – это не социалистическое государство, а псевдо-социалистическое. Об этом свидетельствует повседневная жизнь советских людей: «в глубине коллективной нищеты, лишений, нужды без труда обнаруживается несправедливость и социальное неравенство. Различия в зарплате колеблется в пятикратной разнице, преимущество пайков и других привилегий еще больше усиливает контрасты, еще более одиозные, чем в любой капиталистической стране. Великие завоевания социализма, такие, например, как эмансипация женщин, на самом деле, ничто иное, как эксплуатация дешевого женского труда в отраслях тяжелой промышленности. Кнута-советское государство – единственное, где пролетариат не только обманут голодной зарплатой, но при этом еще делает радостный вид» [20, р. 474].

Паскаль, также как и Серж, и Суварин, уже давно не верит в пропаганду того, что СССР идет к социализму. В одном из писем к Альфреду Росмеру он отмечал: «Есть люди, ... которые считают, что совсем скоро мы придем к социализму. Признаюсь, что я не могу этого понять. Можно легко представить, что немецкое правительство национализирует железные дороги, промышленность и торговлю; будет ли это социализм? Это будет лишь более всеобъемлющая и тираническая эксплуатация» [24, р. 115].

По мнению Суварина, СССР – это далеко не советское государство и, уж тем более, не социалистическое, герои революции и гражданской войны оказались истреблены. «Во внутренней жизни России, так называемой советской, несвойственное выражение, ибо давно уже Советы перестали существовать, в последние годы преобладает настоящее истребление старой

большевистской гвардии, так сказать бывших политических кадров, роль которых отождествляется с историей Октябрьской революции» [25, р. 1]. При этом Б. Суварин подчеркивает, что «сталинский режим – это совершенно новый режим, не сводящийся к определению социализма или госкапитализма» [20, р. 469].

Серж характеризовал сталинизм как грандиозную бюрократическую реакцию против социалистических идей Октябрьской революции, которая «привела к интеллектуальной катастрофе, во многом облегчившей утверждение тоталитаризма» [26, р. 69]. «Отметим, - пишет Серж, - наиболее удивительный недостаток, связанный с идеологической традицией, которая оказалась парализующей: большевики были поражены и разгромлены тоталитарной системой, которую они сами построили, не отдавая себе в этом отчета. *Социалистическая мысль не предвидела ни фашизма, ни автототалитарии, ни сталинизма*» [26, р. 166].

Следует отметить, что Виктор Серж наиболее полно выразил новое интеллектуальное течение, которое переживало в 30-40-е годы стадию становления, но так и не переросло в стадию организационную, политическую. Смутное и противоречивое, наиболее точно оно передается формулой левый антитоталитаризм. Его основные мотивы сквозят в книгах Б. Суварина «Сталин», А. Цилиги «В стране большой лжи» и, наконец, в творения Дж. Оруэлла.

Попытка осмыслить тоталитаризм, сформулировать левую альтернативу тоталитарной системе – вот стержень интеллектуальных исканий Сержа. Поиск левой альтернативы, а не верность идее социализма определяет его позицию.

К осознанию необходимости осмысления левой альтернативы В.Сержа подтолкнула глобальная драма Второй мировой войны. В неопубликованной статье «Смысл этой войны», датированной 1942 г., он доказывает, что левым, поскольку сталинский тоталитаризм непоправимо дискредитировал само понятие «социализм», необходимо не только идейное обновление, но обновление языка, терминологии, вплоть до отказа от самого понятия «социализм». «Избыток поражений и фальсификаций обесценил слова социалистического порядка за последние 20 лет. Сама суть марксизма...иногда кажется пораженной дискредитированием, наброшенным на нее корыстными вульгаризациями и, что хуже, тоталитарными злодеяниями; она нуждается в теоретическом перевооружении» [27, р. 11].

«Невозможно вообразить, что сотворил сталинизм, чтобы внушить угнетенным труженикам ужас и отвращение к социализму; в России можно предвидеть возникновение реакционных тенденций, и в еще большей степени это касается нерусских народов – прежде всего, мусульман Средней Азии, среди которых на протяжении долгого времени распространялись панисламистские устремления», [28, с. 175] - прозорливо отмечал В. Серж.

Характеризуя утверждающийся в демократическом мире порядок как «направляемый капитализм», Серж приходит к выводу, что «этот направляемый капитализм невероятно превосходит тоталитаризмы тем, что

начинает неизбежную эволюцию, не отвергая гуманизм XIX века...» [26, р. 2].

Даже рискуя остаться в одиночестве, Серж приходит к выводу, что дилеммой современной цивилизации, ее главным противоречием является не оппозиция социализм-капитализм, а оппозиция индивидуализм-коллективизм. И это не простое передегивание терминов из популистских соображений. Для Сержа главным в социализме являлся не коллективизм сам по себе, поскольку исторические события показали, что последний может носить тоталитарный, антигуманный и эксплуататорский характер, а освобождение человека от всех форм угнетения и отчуждения. Дорога к демократическому социализму лежит не через повторение большевистской стратегии или робкие реформы, а через радикальную, не сопряженную при этом с насилием, революцию «социалистическую в гуманистическом смысле этого слова, точнее говоря, революцию с социалистическими тенденциями, осуществляемую демократическими, либертарными методами» [28, с. 173].

В полемике 1944 г. с Гербертом Ленхоффом В. Серж, по сути дела, возвращается к истокам социалистической идеи, к старому спору между Фурье и Оуэном, которые дали два принципиально различных подхода к реализации социалистической идеи:

1. Оуэн: эгалитарный путь, стирание граней, ликвидация имущественных и т.п. различий.

2. Фурье: диалектический подход при сохранении неравенства, гармонизации противоречий.

Когда Серж изложил свое видение целей левого движения, доказывая, что главное – не ликвидация частной собственности, не диктатура пролетариата, что центральной должна стать идея «гармонизации противоположностей», что системообразующей в идеологии левого движения должна стать вместо оппозиции «капитализм-социализм», оппозиция «индивидуализм-коллективизм», Г. Ленхофф моментально квалифицировал такую точку зрения, как фурьеристский «солидаризм» или «гармонизм». «Если встать на эту точку зрения, предрекал Ленхофф, мы окажемся перед целой эпохой борьбы неизвестно за что, поскольку главной станет борьба не за власть, не за собственность, а за человеческий менталитет» [26, р. 127].

Стремясь выразить идею социальной справедливости новой формулой, он довольно часто употребляет словосочетание «социально ориентированный порядок» [26, р. 154]. В конечном счете, Серж вплотную подошел к идее социал-либерализма, основанной на сочетании либеральных ценностей с установкой на социальную справедливость.

По мнению Сержа, новый мировой порядок был призван изменить социальную структуру мира. Исходя из анализа наблюдаемых им тенденций, он стремился представить себе будущее. Ряд прогнозов сделанных В. Сержем в 40-е гг. XX в. звучат весьма актуально и сегодня: «В любом случае концепция национального суверенитета изменится, и организация государств станет более крупной, интернационализируется. Мы движемся к

объединениям более широким, чем национальные государства XIX века, к различным вариациям Соединенных Штатов. Во-вторых, все это требует уже отмены старых таможенных барьеров, координации производства и обмена на континентальном и глобальном уровнях...» [29, р. 182]. Можно сказать, что фактически он описал картину современной глобализации.

Потерпев неудачу в деле строительства общества «нового» советского типа, французское «попутничество» сублимировало свою историческую энергию, свой опыт и свои знания о Советской России в плодотворной деятельности по части изучения истоков большевистского тоталитаризма. Более полувека назад попутчики сумели дать удивительно точную характеристику советского режима, ответить на многие вопросы, определяющие общественную жизнь в то время: различия социалистической идеологии и большевизма, природу и сущность созданного строя, причины поражения теории Октября и его перерождение, паралич социального конструктивного начала в тоталитаризме. И что очень важно, они сделали это, как свидетели, живые очевидцы и активные участники многих революционных событий.

Попутчики подготовили почву для новых левых 60-х гг. и современных «новых левых», перед которыми и сегодня стоит та же задача – задача социального переустройства на справедливых началах. Они внесли свой вклад в непрерывный процесс переосмысления прошлого, в том числе, ключевой проблемы природы сталинизма и попытались обосновать либертарно-демократическую социалистическую альтернативу капитализму и коммунизму.

1. Социализм в перспективе постиндустриализма. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.- 253 с.
2. Жиромская И.П. Развитой социализм, его совершенствование. – М.: Плакат, 1983. – 88 с.
3. Некоторые проблемы социалистической демократии в современных условиях. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.- 155 с.
4. Социализм и глобальные проблемы. – М.: ИНИОН, 1986. – 275с.
5. Развитой социализм: проблемы теории и практики / Р.И. Косолапов, В.А. Печенев, В.С. Марков и др. – М.: Политиздат, 1980. – 400 с.
6. Клоцвог Ф.Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. – М: Высш. ин-т упр., 2005. – 164 с.
7. Социализм в контексте современной цивилизации. – М.: ИФАН, 1991. – 136 с.
8. Антонович И.И. После современности: Очерк цивилизации модернизма и постмодернизма – Минск: Беларуская Навука, 1997. – 446 с.
9. Патрушев А. И. Жизнь и драма Фридриха Ницше // Новая и новейшая история. – 1993. - № 5. – С. 120-151.
10. Пеги Ш. Фундаментальные истины. - London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 105 с.
11. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – М.: НПЦ «Праксис»-Оренбург: Оренбургская книга, 2001.- 696 с.
12. Гиппиус З. Петербургские дневники. – Нью-Йорк-М.: Центр «ПРО» и СП «САКСЕСС», 1990. – 318 с.

13. Romain J. Cette grande lueur à l'est // Les homes de bonne volonte. T.19. Paris: Flammarion, 1958. – 575 p.
14. Caute D. Le communisme et les intellectuels français 1914-1966. – Paris: Gallimard, 1967. – 474 p.
15. Мальро А. Зеркало лимба. – М.: Прогресс, 1989. – 515 с.
16. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. – М.: «Ad Marginem», 1998. – 639 с.
17. Pascal P. En communisme: mon journal de Russie 1918-1920. - Lauzanne: L'age d'Homme, 1977. – 223 p.
18. Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française 1916-1918. – Lauzanne: L'age d'Homme, 1975. – 356 p.
19. Serge V. L'an I de la revolution russe. – Paris.: Librairie du Travail, 1930. – 465 p.
20. Souvarin B. Staline: Aperçu historique du bolchevisme. – Paris: Plon, 1935. – 574 p.
21. Pascal P. Une nouvelle religion // Bulletin communiste. 1925. - № 5. – p. 216.
22. Pascal P. Russie 1927. - Lauzanne: L'age d'Homme, 1985. – 291 p.
23. Souvarin V. Ou va La Revolution russe // La Revolution proletarienne. – 1926. - N° 21.
24. Pascal P. Mon état d'ame 1922-1926. - Lauzanne: L'age d'Homme, 1982. – 238 p.
25. Sovarin V. Cauchemar en URSS. – Paris: La révolution de Paris. – 1937. – 48 p.
26. Serge V. Carnets. – Arles: Actes Sud, 1985. – 181 p.
27. Мексиканский архив В. Сержа. Signification de cette guerre. Guerre de transformation du monde (Titre au choix). - Mexico. 1941.
28. Серж В. Тридцать лет после русской революции // Виктор Серж: Социалистический гуманизм против тоталитаризма. – М: ИПЦ «Праксис», 2003. – С. 154-175.
29. Serge V. Planned economies and democracy // Revolutionary History. Vol. 5. - № 3. – Autumn, 1994. – P. 179-198.